

ВѢСТНИКЪ Е В Р О П Ы

ЖУРНАЛЪ

ИСТОРИИ — ПОЛИТИКИ — ЛИТЕРАТУРЫ

СТО-ПЯТЬДЕСЯТЬ-ВОСЬМОЙ ТОМЪ

ДВАДЦАТЬ-СЕДЬМОЙ ГОДЪ

ТОМЪ VI

РЕДАКЦІЯ „ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ“: ГАЛЕРНАЯ, 20.

Главная Контора журнала:
на Васильевскомъ Острове, 5-я линія,
№ 28.

Экспедиція журнала:
на Вас. Остр., Академич. переулокъ,
№ 7.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ

1892

НАША КОЛОНИЗАЦІЯ СРЕДНЕЙ АЗІИ

РУССКІЕ ПОСЕЛЕНІЯ ВЪ ТУРКЕСТАНѢ.

Въ голодный 1891 годъ, несмотря на всѣ запреты и преграды переселенческая волна направилась въ наши средне-азіатскія владѣнія, и число русскихъ поселенцевъ въ Туркестанѣ, въ теченіе только этого года, увеличилось болѣе чѣмъ вдвое. До конца 1888 г. въ край было поселено всего 1.006 сем. (4.996 д.), но въ осени 1891 г. прибыло разомъ еще 1.297 сем. (6.564 д.), и вся эта масса нахлынула прямо въ Ташкентъ, около котораго, на обширномъ полѣ, предназначенномъ въ обыкновенное время для военныхъ ученій, она и расположилась огромнымъ лагеремъ. По имѣющимся свѣдѣніямъ въ числѣ переселенцевъ рѣшительно преобладали жители воронежской губерніи и Земли войска донскаго, хотя были астраханцы, оренбургцы, тамбовцы и всякіе другіе люди.

Такой внезапный и неожиданный, со стороны Оренбурга, приливъ русскихъ переселенцевъ, мужественно преодолевшихъ степь въ двѣ тысячи верстъ и подошедшихъ прямо къ Ташкенту, поставилъ мѣстную администрацію въ величайшее затрудненіе. Съ тѣхъ поръ какъ началась колонизація края русскими выходцами, еще ни разу не прибывало въ теченіе года болѣе 300—400 семействъ, и уже вошло въ обычный порядокъ — большаго наплыва поселенцевъ не ждать и ежегодно готовить земли именно на такое число новоселовъ. И вдругъ прибываетъ разомъ

масса, превышающая вчетверо обыкновенную пропорцію, а земля приготовленныхъ нѣтъ, да и самое приготовленіе ихъ годъ отъ году, какъ будетъ видно ниже, становится все труднѣе. Благодаря, однако, энергіи и необыкновенно доброжелательному отношенію, съ которымъ, вотъ уже десять лѣтъ, мѣстная администрація относится къ переселенческому дѣлу, успѣли справиться съ дѣломъ, и осенью же 1891 года наскоро устроили семь поселковъ (5—въ чимкентскомъ, 1—въ аулізатинскомъ и 1—въ тапшентскомъ уѣздѣ), гдѣ размѣстили четвертую часть всѣхъ переселенцевъ (304 семьи въ 1.431 душу); для 200 семей также скоро была найдена земля и начато поселеніе; 200 семей временно расположились въ мѣстныхъ кавармахъ и баракахъ туркестанскихъ войскъ; много семействъ расселилось также временно по существующимъ уже поселкамъ, или, какъ говорится, приселились къ своимъ землякамъ; до 600 душъ нашли работу на оросительныхъ канавахъ, сооружаемыхъ великимъ княземъ Николаемъ Константиновичемъ, и, такимъ образомъ, осень и зима 1891 года были благополучно пережиты, а къ 1-му мая 1892 г. было уже окончательно усажено по поселкамъ болѣе 4.000 душъ; многие, перезимовавъ, или возвратились обратно, или пошли далѣе, въ Семирѣчье.

Необычайный приливъ поселенцевъ въ 1891 году составилъ начало новой эпохи въ исторіи заселенія Туркестана русскими поселками. До этого года это заселеніе шло весьма медленно, можетъ быть даже гораздо медленнѣе, чѣмъ это было желательно во многихъ и многихъ отношеніяхъ. Правительство никакой инициативы въ этомъ дѣлѣ на себя не принимало, самого переселенія не вызывало и не поощряло, а только, такъ сказать, терпѣло и, не ранѣе какъ съ 1887 года, стало жертвовать на нужды поселенцевъ незначительныя такъ называемыя остаточныя суммы, да и то по усиленнымъ ходатайствамъ высшей власти въ краѣ. Между тѣмъ переселенцы все шли да шли, и хоть и жиденькая, но все-таки цѣлая цѣпь русскихъ поселковъ образовалась отъ Ташкента къ границамъ Семирѣчья, на сѣверо-востокъ, и вокругъ самаго Ташкента, расширяясь кольцомъ къ Ферганѣ и Самарканду.

Въ настоящее время въ Туркестанѣ уже поселено болѣе 12 тысячъ душъ выходцевъ изъ великороссійскихъ губерній; приливъ переселенцевъ и въ нынѣшнемъ году уже начался, а потому интересно ознакомиться съ недолгой исторіей переселенческаго движенія въ Туркестанѣ и поразмыслить надъ будущей судьбой этого важнаго дѣла... Недавніе факты свидѣтельствуютъ наглядно, что

одинъ изъ переселенческихъ потоковъ систематически, ежегодно, направляется въ наши средне-азіатскія владѣнія и въ своемъ стремленіи способенъ расширяться иногда до неожиданныхъ размѣровъ, подъ вліяніемъ хотя бы такихъ двигателей, какъ нужда и неурожай, какъ это и было въ 1891 году. Возникаетъ такимъ образомъ вопросъ: достаточно ли въ край свободныхъ и удобныхъ для переселенцевъ земель; какъ поселки устроиваются въ Туркестанѣ, и какъ переселенцы осваиваются съ новыми для нихъ климатическими и хозяйственными условіями?

Имѣвъ случай ознакомиться на мѣстѣ съ ходомъ и устройствомъ русскихъ поселеній въ Туркестанѣ, я предлагаю вниманію читателя нижепомѣщаемый очеркъ.

Достаточно ли свободныхъ и удобныхъ мѣстъ въ Туркестанѣ для устройства русскихъ поселковъ? Вотъ первый вопросъ, подлежащій разрѣшенію, и конечно, если только признать принципиально пользу и необходимость колонизаціи края русскимъ элементомъ, то вопросъ этотъ является первостепеннымъ по своему значенію и важности. Въ самомъ дѣлѣ, достаточно ли въ Туркестанѣ свободной и удобной земли для устройства русскихъ поселковъ? Если взглянуть на карту Туркестанскаго края, то, по первому впечатлѣнію, вопросъ такой покажется, что называется, неумѣстнымъ и празднымъ. — Очевидно, что тамъ совершенно достаточно свободныхъ земель для милліоновъ людей, подумаетъ всякій, только бросивъ взглядъ на карту. Если въ этому добавить, что по официальнымъ свѣденіямъ въ Туркестанѣ считается 104 м. кв. дес. земли, изъ коихъ около милліона находится подъ земледѣльческой культурой, около милліона занято кочевьями, а остальные 102 милліона, что называется, свободны, то вопросъ, достаточно ли свободныхъ земель для поселенія — покажется даже сугубо празднымъ и неумѣстнымъ. На самомъ же дѣлѣ это совсѣмъ не такъ. Не говоря уже про необозримыя пространства песковъ сыпучихъ, летучихъ, движущихся и неподвижныхъ, которыми такъ изобилуетъ край, не считая также необозримыхъ солончаковыхъ равнинъ, равнымъ образомъ непригодныхъ для земледѣлія (песковъ-солончаковъ считается около 40 м. дес.), все остальное пространство, прорѣзываемое такими двумя могучими водными артеріями, какъ рѣки Сырь- и Аму-Дарья, исключая, разумѣется, мѣстъ уже культивированныхъ или занятыхъ поселеніями, могутъ ли считаться свободными? Извѣстно, что законъ (ст. 424, т. X, ч. I) подъ свободными землями разумѣетъ земли никому въ осо-

бенности не принадлежащія, и, слѣдовательно, естественно возникаетъ вопросъ: принадлежать ли эти милліоны десятинъ кому-либо въ особенности, или не принадлежать? На этотъ вопросъ гораздо труднѣе отвѣтить, нежели то можетъ показаться съ перваго взгляда. Какъ, повидимому, ни легко, въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, разъясняется вопросъ, принадлежитъ ли данная земля кому-либо, или она свободна, но эта легкость только кажущаяся, какъ скоро вопросъ коснется земельныхъ пространствъ, занятыхъ кочевниками. Прежде всего тутъ вопросъ о собственности совершенно устраняется, и на его мѣсто является вопросъ о пользованіи — и притомъ не о простомъ пользованіи, ограниченномъ извѣстнымъ временемъ, а о пользованіи безконечномъ, пользованіи вѣчномъ, ничѣмъ, по внѣшности, не отличающемся отъ собственности. Дѣйствительно, собственности тамъ ни у кого и нѣтъ, но зато у всѣхъ есть только — что указанное право вѣчнаго пользованія, и притомъ пользованія не опредѣленнымъ какимъ-либо пространствомъ, а всей незаселенной и необработанной земли. Въ самомъ дѣлѣ всѣ земли, гдѣ только кочуютъ, *никому изъ особенностей не принадлежатъ*, но онѣ находятся въ вѣчномъ пользованіи или, вѣрнѣе, *принадлежатъ* всему кочевому населенію, и отсутствіе на эти земли *права собственности* представляется не чѣмъ инымъ, какъ чистѣйшей фикціей, такъ какъ въ дѣйствительности земли эти просто принадлежатъ кочевымъ народамъ. Одни уже безконечныя передвиженія кочевниковъ — съ „зимовокъ“ на „лѣтówki“ и обратно, съ лѣтówek на зимовки, — передвиженія, совершаемыя безъ дорогъ, напрямикъ, по долинамъ, пескамъ и равнинамъ, устраняютъ всякую возможность установленія чьихъ-либо правъ собственности на землю, хотя все-таки не дѣлаютъ земли этой свободной и никому непринадлежащей. И понятно, что еслибы кто-нибудь вздумалъ, на пути этого движенія, проявить на какой-либо ключокъ земли исключительное право собственности, т.-е. сдѣлать тамъ какой-либо посѣвъ или вообще завести земледѣльческое хозяйство, то и посѣвы, и хозяйство, были бы безжалостно уничтожены стадами, вразбродъ пасущимися во время передвиженія. Такова организація кочевого быта, таковы условія степного скотоводства, и пока быть этотъ не уничтоженъ временемъ и цивилизаціей, право земельной собственности въ степяхъ можетъ проявляться лишь въ рѣдкихъ случаяхъ. Довольно сказать, что всякій киргизъ, для прокормленія своего стада, долженъ сдѣлать въ теченіе лѣта отъ 700 до 1.000 верстъ, разыскивая свободные корма, и изъ этого уже видно, что кочеваніе, во-первыхъ, всегда будетъ препятство-

вать установленію прочной земельной собственности, а во-вторыхъ, что кочеваніе есть трудъ и трудъ большой.

По существующимъ взглядамъ, въ разныхъ канцеляріяхъ преимущественно, кочеваніе часто считается только особымъ видомъ бездѣлья и результатомъ лѣности и апатіи кочующихъ народовъ. Нѣкоторые рѣшительные люди, изъ административнаго лагеря, пожалуй даже не прочь признать, что киргизъ кочуетъ только потому, что просто не хочетъ нести тяжелую лямку земледѣльца, и эти рѣшительные люди готовы — было бы только одобреніе свыше — принять немедленно мѣры къ прекращенію кочеванія. Эти бумажные дѣльцы разсуждаютъ, что киргизы не всегда же кочевали, что когда-то прежде они сотни лѣтъ существовали въ осѣдломъ состояніи, и потому стоитъ только хорошенько приказать — и киргизы осѣднутъ вновь и опять возьмутся за соху, переставъ бродить по степямъ съ своими стадами. По счастью, такого приказанія свыше не послѣдовало и, вѣроятно, не послѣдуетъ, и канцелярское самоиѣніе маленькихъ администраторовъ не принесетъ обычнаго зла. Всѣ лица, стоявшія у власти, понимали, что подобныхъ переворотовъ безнаказанно совершать нельзя — и пока кочевникъ оставленъ въ покоѣ. До сихъ поръ высшія власти признавали, что жизнь, благосостояніе и все благополучіе кочевника стоятъ въ зависимости отъ благополучія его скотоводства, и что потому никакихъ насильственныхъ мѣръ ни къ прекращенію, ни къ сокращенію кочеванія предпринимать нельзя. Кочевникъ живетъ около скота, для скота и существуетъ только скотомъ. Податная его исправность, благополучіе личное, семейное и общественное, все это держится на скотоводствѣ; а насколько кочевникъ поглощенъ заботами о своемъ скотѣ, лучше всего свидѣтельствуется хотя бы то, что при встрѣчѣ киргизъ, привѣтствуя сородича и справляясь объ его домашнемъ благополучіи, всегда ставитъ вопросы въ такомъ порядкѣ: — Благополученъ ли твой скотъ? Благополучна ли твоя семья? Благополучна ли твоя душа? (Маджанъ, балашганъ, аманба?)

Итакъ, вопросъ о достаточности свободной для поселковъ земли сводится къ тому, что земли свободной, т.-е. никому въ особенности не принадлежащей, хотя и очень много, но вся эта земля находится въ постоянномъ пользованіи кочевниковъ, и потому свободной земли въ дѣйствительности нѣтъ, и ее можно найти только отнявъ у кочевниковъ, т.-е. стѣснивъ ихъ кочеванье.

Какъ трудно это сдѣлать на самомъ дѣлѣ, это будетъ видно ниже, а теперь мы можемъ только сказать, что съ 1884 года,

Когда стали готовить земли для русскихъ переселенцевъ и намѣтили для сего тридцать отдѣльныхъ пунктовъ, то оказалось, что вездѣ эта земля находится въ чьемъ-либо пользованіи, и потому ее приходилось получить не иначе, какъ съ боя, а теперь, когда переселенцы хлынули въ Туркестанъ массою, вопросъ этотъ обостряется еще болѣе. Очевидно, что при начавшемся массовомъ переселеніи въ край прежняя система вымежеванія клочковъ земли, отнятыхъ у кочевниковъ, должна уже быть совершенно оставлена, и слѣдуетъ приступить къ устройству поселеній или на новыхъ ирригаціонныхъ каналахъ, разработанныхъ средствами правительства, или хотя на каналахъ уже существующихъ, но послѣ необходимаго ихъ расширенія и удлинненія, или, иными словами, послѣ усиленія ихъ оросительной способности.

Вопросъ о томъ, что русскія поселенія должны быть устраиваемы не иначе, какъ на земляхъ, обезпеченныхъ ирригаціонной водою, мы считаемъ совершенно безспорнымъ и полагаемъ, что ни поселенія на богарныхъ земляхъ (орошаемыхъ только дождями), ни поселенія на такъ называемыхъ мокрыхъ земляхъ (т.-е. близъ рѣкъ на бывшихъ камышевыхъ заросляхъ) рѣшительно не должны быть допускаемы.

Гдѣ находятся тѣ земли, которыя требуется оросить вновь, и гдѣ ирригаціонныя системы, способныя къ расширенію своего оросительнаго района,—объ этомъ свѣденія частью уже собраны, частью собираются, и здѣсь нѣтъ надобности заниматься перечисленіемъ этихъ земель и этихъ системъ. Достаточно сказать, что этихъ земель очень и очень много, и что многія изъ существующихъ канавъ могутъ быть легко усилены массою свободной воды, уносимой пока бесполезно въ Аральское море и столь же бесполезно испаряющейся въ пространствѣ. Только въ двухъ наиболѣе культурныхъ уѣздахъ Сыръ-Дарьинской области—ташкентскомъ и чимкентскомъ—считаемыхъ наиболѣе густо заселенными, можно въ разныхъ мѣстахъ утилизировать (конечно, съ денежными затратами на устройство орошенія) не менѣе 350 т. дес. земли (т.-е. на 35 т. семействъ поселенцевъ), и независимо отъ того найдется еще на арыкѣ Дальверзинъ (ташкентскаго уѣзда) до 20 т. дес. (т.-е. для 2.000 семействъ), на арыкѣ Искандеръ до 10 т. дес. (т.-е. для 1.000 семействъ), и на Бухара-арыкѣ до 120 т. дес. (т.-е. для 12 т. семействъ), или всего на 50 т. семействъ, т.-е. не менѣе какъ на 200 т. душъ. Къ этому нужно только добавить то, что собственно о массѣ свободно текущихъ, никому не принадлежащихъ водъ Туркестанскаго края извѣстно всѣмъ побывавшимъ въ край. Всѣ это знаютъ, ибо всѣ видятъ,

какъ эти воды текутъ и свободно, и бесполезно для страны; но гдѣ находятся тѣ свободныя государственныя земли, которыя могутъ быть орошены этими водами, этого пока не знаютъ и, съ завоеванія края, въ теченіе первыхъ двадцати пяти лѣтъ владѣнія этой благодатной страной, выяснить, гдѣ находятся эти земли — не успѣли. Съ 1887 года приступили наконецъ къ разысканію этихъ земель, но, какъ уже извѣстно, разрѣшеніе повземельнаго вопроса подвигается въ Туркестанѣ болѣе чѣмъ медленно, и если создаваемыя, вотъ уже полтора года (съ сентября 1890 года), вольно или невольно по этому вопросу недоразумѣнія и затрудненія, о которыхъ мы уже говорили ранѣе („Вѣстн. Европы“, № 6), не прекратятся или, вѣрнѣе, не будутъ прекращены, то выясненіе количества и мѣста нахожденія свободныхъ государственныхъ земель затормазится еще на долгіе годы, а съ нимъ затормазится и вопросъ о русской колонизаціи и много другихъ мѣстныхъ вопросовъ.

Какъ организуются въ Туркестанѣ русскіе поселки и какъ переселенцы осваиваются съ мѣстными условіями, на этотъ вопросъ даетъ отвѣтъ нижеслѣдующій очеркъ.

Всѣ русскіе поселки въ Туркестанѣ расположены въ Сыр-Дарьинской области. Въ Ферганской и Самаркандской областяхъ ихъ совсѣмъ нѣтъ. Объ этихъ поселкахъ или вовсе не встрѣчается никакихъ свѣдѣній въ печати, или же попадаются отрывочныя слухи, дошедшіе до какого-нибудь любознательнаго проѣзжающаго, который, въ свою очередь, считъ своимъ долгомъ по-дѣлиться этими, болѣею частью довольно-таки диковинными, слухами съ любознательнымъ читателемъ... Извѣстно, что какъ только дѣло коснется переселенцевъ, то болѣе всего туристы пишутъ о невообразимо жалкомъ ихъ положеніи, упрекаютъ ихъ въ бродяжничествѣ и наклонности къ постоянной перемѣнѣ мѣстъ, верѣдко не щадя красокъ, рисуютъ ихъ тунеядство, лѣнь и бездѣлье и особенно ехидно корятъ ихъ за любовь къ полученію отъ начальства денежныхъ пособій... Нѣкоторымъ корреспондентамъ такъ даже и все дѣло представляется въ такомъ видѣ, что переселенцы, соблазнившись предстоящимъ полученіемъ денегъ отъ казны, снялись съ мѣста, поклонились въ послѣдній разъ могиламъ отцовъ и дѣдовъ, перекрестились на церковь и пошли за „способіемъ“, измышляя для многократнаго его полученія разныя коварства.

Въ 1888 и 1890 годахъ я имѣлъ случай объѣхать всѣ рус-

скіе поселки въ Сыръ-Дарьинской области и хочу рассказать, что я тамъ видѣлъ и узналъ...

Но прежде всего да позволено мнѣ будетъ сказать только нѣсколько словъ объ организаціи переселенческаго дѣла въ Туркестанѣ... Собственно говоря, никакой закономъ установленной и предусмотрѣнной организаціи тамъ нѣтъ и до сихъ поръ, и самое переселенческое движеніе, начавшееся не болѣе 16—17 лѣтъ назадъ, и организація русскихъ поселковъ, всецѣло зависѣли отъ усмотрѣнія и большаго или меньшаго доброжелательства мѣстнаго начальства... При рѣшеніи, въ 1889 году, общаго вопроса о переселенцахъ, о Туркестанѣ какъ-то забыли, и, видимо, не предполагалось, чтобы переселенцы направились между прочимъ и туда. Да и откуда они туда могли направиться?.. Отъ Оренбурга до Ташкента 2.000 верстъ степи и песковъ; отъ Астрахани и того болѣе; съ Кавказа, черезъ Узунъ-Ада и Михайловскій заливъ, полторы тысячи верстъ песковъ, опять степи и никакой дороги; изъ южной Сибири, отъ Акмолинской, Тургайской или Уральской областей—опять двѣ тысячи верстъ песку и степи, и только развѣ со стороны восточной Сибири, т.-е. уже въ обходъ, кругомъ, могли еще появиться переселенцы, попытавшіе счастья въ Сибири и не нашедшіе тамъ его; но это уже не настоящіе переселенцы. Даже „Положеніе объ управленіи Туркестанскимъ краемъ“ (1886 г.), впервые устроивавшее край во всѣхъ отношеніяхъ (финансовомъ, податномъ, судебномъ, административномъ), ничего о переселенцахъ не упоминаетъ, никакихъ выходцевъ изъ внутренней Россіи не ждетъ и скромно разсчитываетъ, если Богъ дастъ, понемногу колонизовать край не крестьянами, а запасными и отставными солдатами, окончившими тамъ службу и не пожелавшими возвратиться на родину. Такимъ желающимъ „Положеніе“ предлагаетъ 10—20 десятинъ земли и сторублевое пособіе, а о переселенцахъ—ни слова.

На дѣлѣ, однако, оказалось, что солдатъ, охотниковъ оканчивать жизнь въ Туркестанѣ, явилось очень мало; зато появились, и притомъ съ запада, т.-е. именно съ той стороны, откуда ихъ не ожидали, со стороны Оренбурга, а потомъ и со стороны Узунъ-Ада, великороссійскіе искатели тѣхъ „новыхъ мѣстовъ“ съ хорошими урожаями и обильными покосами, о которыхъ идутъ розсказы въ глубинѣ малоземельныхъ губерній съ крохотными надѣлами,—и разъ такіе поселенцы явились, туркестанскія власти, волей-неволей должны были принять мѣры къ организаціи поселеній на болѣе или менѣе правильныхъ началахъ. Этихъ мѣръ было принято, впрочемъ, очень немного... Первѣйшей мѣрой и

первымъ правиломъ было постановлено, чтобы переселенцевъ непременно селить на мѣстахъ безусловно свободныхъ и обезпеченныхъ водою не только для домашняго употребленія, но и для посѣвовъ, т.-е. водою ирригаціонною. Вторымъ правиломъ было установлено, чтобы селились на мѣстахъ указанныхъ и намѣченныхъ (но свободный выборъ пунктовъ для поселеній изъ числа предназначенныхъ всегда предоставлялся), а не на мѣстахъ самовольно избранныхъ, и въ особенности не позволялось осѣдать на богарѣ, т.-е. гдѣ разсчитывается только на дождевое орошеніе. Третье правило требовало не допускать въ русскихъ поселкахъ кабаковъ, что больше могло огорчать, особенно на первое время, не столько самихъ поселенцевъ, сколько акцизное вѣдомство, но было истинно благотѣльно для поселенцевъ. Четвертое правило заключалось въ томъ, чтобы давать денежное пособіе, только тѣмъ, которые проявили дѣйствительное намѣреніе поселиться на указанномъ мѣстѣ, т.-е. построили или начали строить домъ, и непременно явились съ семьей, т.-е. выдавалось пособіе такъ сказать, заслуженное, — и послѣднее правило устанавливало обязательное устройство школы и молитвеннаго дома, какъ только являлась къ тому возможность, а по достиженіи селеніемъ ста дворовъ, всемѣрно ходатайствовало о постройкѣ училища и церкви. Затѣмъ принято было за правило никакихъ самовольныхъ поселковъ не допускать, перемѣщенія изъ селенія въ селеніе по возможности возбранять, но первоначальное избраніе мѣста всегда предоставлялось самимъ переселенцамъ. Земли давалось по 10—20 десятинъ на семью.

Вотъ въ этомъ и состояла вся организація туркестанскихъ поселеній ¹⁾. Приѣхавъ въ край въ 1885 году, я засталъ всего четыре поселка и одну русскую пригородную (близъ Ташкента) слободу; передъ отъѣздомъ изъ края, спустя пять лѣтъ, я уже видѣлъ совершенно сформированныхъ 18 поселковъ. Изъ нихъ самому старшему было 16 лѣтъ, а самому юному было всего нѣсколько дней. Въ настоящее время число ихъ уже доходитъ до сорока.

Первый разъ я подробно осмотрѣлъ поселки лѣтомъ 1888 года. 2-го іюня, въ день Вознесенія, я поѣхалъ въ с. Покровское, на р. Таласѣ, въ 30 верстахъ отъ г. Аулія-ата, около 300 верстъ отъ Ташкента. По случаю праздничнаго дня на улицѣ пестрѣли красныя рубахи и желтые сарафаны; при яркомъ южномъ солнцѣ,

¹⁾ Наибольшая заслуга въ организаціи русскихъ поселковъ въ Сирь-Дарьинской области принадлежит мѣстному губернатору, генералъ-лейтенанту Н. И. Гродекову.

пестрые бучки молодыхъ мужчинъ и женщинъ двигались по улицамъ; пожилые и старики сидѣли на завалинкахъ; подсолнухи были во всѣхъ пригоршняхъ. Картина была совсѣмъ русская, съ тою лишь разницею, что не встрѣчалось пьяныхъ и не было кабака. Обойдя всѣ дворы, осмотрѣвъ всѣ хозяйства, особенно вновь поселившихся крестьянъ, поговоривъ и со старыми, и съ молодыми, я убѣдился, что Покровское, возникшее въ 1882 году, и слѣдовательно считавшее себя только шестой годъ, вполне уже сформировалось. Всѣ восемьдесятъ надѣловъ были заняты (даже два семейства были лишние). Покровцы такъ успѣли за 6 лѣтъ окрѣпнуть въ хозяйственномъ отношеніи, что уже начали строить школу на собственные средства и, доставивъ матеріалъ (лѣсъ, глину, песокъ, камень), сдали постройку подрядчику-сарту.

Посѣвы въ томъ году были сдѣланы рѣшительно всѣми, и притомъ не только для своихъ надобностей, но отчасти съ промышленно-торговою цѣлью. Именно въ этомъ году было посѣяно овса гораздо болѣе, чѣмъ самимъ покровцамъ было нужно, что было сдѣлано въ расчетѣ на сбытъ на почтовый трактъ отъ Ауліэ-ата въ Семирѣчью. Продажей овса, а также пшеницы, покровцы занимались уже четвертый годъ, и въ 1887 году было выручено только за овесъ отъ 10 до 280 рублей на семью.

Еще въ Ташкентѣ поговаривали о неудачно выбранномъ для этого поселенія мѣстѣ и предсказывали развитіе тамъ лихорадокъ и другихъ болѣзней. Дѣйствительно, часть селенія расположена въ низинѣ, съ близкой подпочвенной водой, но больныхъ въ деревнѣ совсѣмъ не было, и народъ встрѣчался все бодрый и веселый. Хотя покровцы въ разговорѣ какъ бы жаловались на недостатокъ у нихъ выгона и просили отрѣзать имъ еще одинъ „уголокъ“ въ сто десятинъ, будто бы крайне необходимый для пастбы скота, но потомъ оказалось, что никакого у нихъ недостатка нѣтъ, и они только еще *опасаются*, какъ бы со временемъ не обнаружился этотъ недостатокъ, въ виду того, что скотоводство у нихъ расширяется годъ отъ году.

Съ сосѣдними киргизами покровцы, какъ я узналъ, слегка ссорятся за то, что киргизы оставляютъ свой скотъ безъ призора, и онъ заходитъ на покровскія поля, но большихъ недоразумѣній нѣтъ; даже съ киргизами „тамырствуютъ“ (дружатъ), и болѣе 300 покровскихъ овецъ бесплатно, „по тамырству“ (по дружбѣ), паслось въ томъ году на киргизскихъ земляхъ.

Въ селеніи имѣлись уже всѣ необходимыя въ сельскомъ хозяйствѣ мастерства; былъ колесникъ, кузнецъ, телѣжникъ. Всѣ бабы, за немногими исключеніями, ткали полотна, а два посе-

ленца работали даже простыя сукна, и съ этою цѣлью и эти два, и всѣ покровцы—стали усиливать свое овцеводство.

Въ школѣ, помѣщающейся пока въ одной изъ избъ, занятій, по случаю лѣтнаго времени, не было, но собравшіеся мальчуганы и дѣвочки (человѣкъ 30) охотно показали свои познанія въ чтеніи (только по-славянски, русскихъ книгъ не оказалось) и пѣніи.

Покровцы очень охотно ѣздятъ въ *городъ*, т.-е. въ Аудіа-ата. ѣздятъ то прямыми черезъ р. Таласъ (около 30 верстъ), то горами, гдѣ много подъемовъ и спусковъ, довольно порядочно разработанныхъ. Горами ѣздятъ только когда Таласъ разбухнетъ послѣ дожда, или начнется обычная прибыль воды съ марта по іюль. Въ городъ покровцы ѣздятъ для сбыта своихъ произведеній, необходимыхъ покупокъ, но преимущественно въ церковь.

По внѣшности селеніе это очень благоустроенное, дома чистенькіе, глинобитные, на манеръ малороссійскихъ хатъ, но съ русскими покатыми соломенными крышами; главная улица прямая, очень широкая, дворы очень большіе, и во внѣшности ихъ можно было замѣтить только одинъ изъянъ: многіе дворы не огорожены. Прежде не огораживали потому, что глиняными заборами огораживать еще не привыкли, а для плетней не было матеріалу; но потомъ, когда развели свой таль (ивнякъ, верба), то стали дѣлать плетни и плетенныя хозяйственныя постройки, но огородились еще не всѣ, и потому дворы какъ бы сливаются.

Бывшій въ Покровскомъ въ 1887 году падежъ рогатаго скота почти не разстроилъ ихъ хозяйства. Несмотря на этотъ падежъ, всѣ произвели запашки, даже расширили ихъ и, по хорошему всходу травъ и хлѣбовъ, рассчитывали на урожай и выгодный сбытъ овса и пшеницы. Отсутствіе кабака много способствовало быстрому и мирному развитію поселка, и хотя наѣзжающіе въ городъ поселане никогда не забываютъ захватить оттуда водки, но „не болѣе какъ по бутылкѣ“,—увѣряли они меня,—*потому что нельзя же!* Зимой покровцы сидятъ въ снѣгу, слушаютъ, какъ мятель и вѣтеръ свирѣпствуютъ по Таласскому ущелью, и воюютъ съ волками, которые лѣзутъ прямо во дворъ, такъ что многіе заведи уже себѣ ружья, а другіе просили отпустить и ружья, и порохъ—изъ казны.

Почти всѣ покровцы пришли изъ воронежской губерніи.

На другой день на покровскихъ лошадяхъ я поѣхалъ далѣе внизъ по Таласу въ село Дмитріевское, самое отдаленное отъ всѣхъ административныхъ центровъ и отъ почтовой дороги. Дмитріевское заложено еще въ 1877 году, но до 1885 г. въ селеніи было всего 15 дворовъ; въ концѣ же 1887 года ихъ уже было

110. Тамъ почти всѣ поселенцы — изъ острогожскаго уѣзда воронежской губ. Въ 1888 году число дворовъ тамъ опять уменьшилось, и ихъ было всего 84. Семнадцать семействъ отлучилось, подѣ предлогомъ „заработковъ“, въ Семирѣчье, но такъ какъ никто изъ отлучившихся не посѣлся, а нѣкоторые продали свои дома, то всѣхъ отлучившихся считаютъ совсѣмъ выбывшими изъ селенія. Въ томъ же году выбыла семья нѣкоего Степана Величка, съ сыновьями, внуками, правнуками, всего шесть дворовъ. Величко со всѣмъ своимъ потомствомъ ушелъ изъ Дмитріевскаго и поселился въ новомъ поселѣ Ясь-Кичу, на почтовой дорогѣ въ томъ же уѣздѣ, увѣряя, что въ Дмитровскомъ *скучно* и нѣтъ сбыта хлѣба, потому что далеко до города. Эта отдаленность составляетъ главный и, кажется, единственный пунктъ недовольства дмитровцевъ. По неимѣнію или, скорѣе, по трудности сбыта, они мало сѣютъ овса и больше, какъ они говорятъ, „занимаются пшеницей“, потому что киргизы овса вовсе не знаютъ и не покупаютъ (кормятъ лошадей ячменемъ), а везти овесъ въ Ауліз-ата далеко. Впрочемъ, каждый дворъ посѣялъ въ 1888 году овса и всякаго иного хлѣба по 4—6 десятинъ (2—3 батмана). Пшеницу свою дмитровцы мѣняють у киргизъ на барановъ; овесъ везутъ въ Ауліз-ата. Несмотря на бывшій и тамъ въ 1887 году падежъ скота, въ Дмитровскомъ приходилось на каждый дворъ по три рогатой скотины, по три лошади и по нѣскольку барановъ. У нѣкоторыхъ было уже по 100 барановъ.

По внѣшности Дмитровское еще благоустроеннѣе, чѣмъ Покровское. Дворы почти всѣ огорожены; клѣти, сарай, амбары — въ порядкѣ; вокругъ домовъ хорошая тѣнь отъ деревьевъ собственной посадки. Народъ красивый, здоровый, довольный. Каждый годъ свадьбы; дѣвки и парни все свои, и искать невестъ на сторонѣ почти не приходится. Среди селенія построено казною хорошее кирпичное зданіе — училище, которое служить мѣстомъ общественной молитвы. Земли у поселка очень много, — хотя дмитровцы увѣряють „что еще бы надоть хоть малость прибавить“ — и всѣ огорченія дмитровцевъ сводятся къ двумъ пунктамъ: *скучно* — потому что далеко отъ города и негдѣ заработать „копѣйку“, все потому же, что городъ далеко, а у киргизъ денегъ мало, и промѣнъ идетъ на скоть. Въ Покровское, впрочемъ, ѣздить дмитровцы очень охотно, хотя оно отъ нихъ не менѣе 35 верстъ.

Гораздо ближе къ нимъ четыре менонитскихъ поселка ¹⁾, но,

¹⁾ Большая часть менонитовъ — выходцы изъ маріупольскаго уѣзда, откуда переселились, избѣгая воинской повинности. Въ четырехъ поселкахъ живетъ 100 се-

полюбопытствовавъ заѣхать къ этимъ сосѣдямъ (6—7 верстъ отъ нихъ), дмитровцы убѣдились, что тамъ куда скучнѣе, чѣмъ у нихъ въ Дмитровскомъ. Постоянно серьезные, никогда не смѣющіеся и не улыбающіеся (кажется, даже въ младенческомъ возрастѣ), менониты навели на дмитровцевъ нѣчто въ родѣ паническаго страха. Ихъ рѣшительно феноменальное трудолюбіе,—ежедневно многократное собираніе въ церковь, куда они шествуютъ мѣрными шагами, ихъ старообразныя, даже у юныхъ дѣвицъ, лица, убійственная тишина и дисциплина, до крайности своеобразныя ихъ воззрѣнія на обиды (менониты никогда ни на кого не жалуются, никогда не требуютъ отнятаго у нихъ или украденнаго, никогда не обращаются въ судъ)—все это до крайности заинтересовало дмитровцевъ.

— И словно-то они неживые,—говорятъ про менонитовъ крестьяне:—обворуй ты его, всячески изобидь — ничего, какъ есть ничего не будетъ... И жаловаться не станетъ... Все добромъ да уговоромъ хотятъ сдѣлать. Диковина просто. А ужъ скучища у нихъ какъ есть оглашенная...

Какъ, однако, дмитровцамъ ни скучно, но собственно отъ скуки они все-таки никуда не бѣгутъ. Въ 1887 году въ Дмитровскомъ былъ также порядочный падежъ скота, а затѣмъ постигъ ихъ еще и дифтеритъ, — но и эти причины не повліяли на прочность селенія, а отдѣльныя переселенія были вызваны нѣкоторыми другими причинами. Такъ, одна семья переселилась въ Семирѣчье, въ с. Бѣловодское „чтобы быть ближе въ церкви“; шесть семей Величко ушли, какъ сказано, въ Ясъ-Кичу—чтобы быть на почтовой дорогѣ. Крестьянинъ Гончаровъ переселился за 90 верстъ въ Михайловское, потому что похоронилъ въ Дмитровскомъ шесть человѣкъ дѣтей, умершихъ отъ дифтерита.

Вообще Дмитровское совсѣмъ окрѣпло и окрѣпнетъ еще болѣе, потому что тамъ уже нынѣ построена церковь (въ 1891 году).

Между Покровскимъ и Дмитровскимъ, но только по другую сторону Таласа, расположено селеніе Александровское. Это былъ совсѣмъ новенькій поселокъ, когда я видѣлъ его въ іюнѣ 1888 г. Оно устроилось только осенью 1887 года, и лѣтомъ 1888 г. имѣло уже 54 двора. Когда я былъ тамъ, то болѣе половины поселенцевъ жили еще въ землянкахъ, въ которыхъ и перезимовали, — но всѣ безъ исключенія поселенцы завелись уже оgoro-

нействъ менонитовъ. Они прекрасно устроились на собственныя средства, а также на деньги (около 15 тыс. руб.), присланныя имъ изъ Америки родственниками-менонитами.

дами и, слѣдовательно, обезпечили себя хлѣбомъ и овощами. Въ Александровскомъ водворились также почти безъ исключенія выходцы изъ воронежской губерніи. Въ 1888 году у нихъ было засѣяно до 400 десятинъ разнаго хлѣба (200 пшеницы, 100 овса, 100 проса, льна, гороху и пр.); тогда же у нихъ было 70 штукъ рогатаго скота (30 рабочихъ быковъ), 30 лошадей, полуплеменной производитель-быкъ, добытый отъ менонитовъ ¹⁾. Кромѣ того было общее стадо барановъ въ 100 головъ. Пользуясь близостью Ауліз-ата (25 в.), александровцы придумали отхожій промыселъ, отправляя туда на осеннее и зимнее время парней и дѣвокъ на мойку шерсти, и хоть заработокъ тамъ небольшой, но все-таки это подспорье въ хозяйствѣ. Крестьянинъ Сопляковъ успѣлъ уже въ 1888 г. завести мельницу и маслобойню и занялся пчеловодствомъ, а крестьянинъ Ильченко затѣялъ-было постройку простой сукновальни, но умеръ.

Избранная для Александровскаго мѣстность очень живописна, обильна родниковою водою, закрыта отъ вѣтровъ и сообщается хорошей каменистой, а частью шоссированной дорогой съ Ауліз-ата, — куда александровцы частенько наѣзжаютъ. Школы въ Александровскомъ въ 1888 году еще не было устроено.

Покровское, Дмитровское и Александровское расположены на поливныхъ земляхъ и, слѣдовательно, вполне обезпечены отъ неурожаевъ и засухъ.

Верстахъ въ двадцати отъ Ауліз-ата, на почтовомъ тракѣ въ Семирѣчье, влѣво отъ дороги, избрано было въ 1887 году мѣсто для селенія въ 37 дворовъ. Мѣсто это было разбито на 37 надѣловъ, была проведена на казенный счетъ (120 руб.) оросительная канава, и въ томъ же году явилось двадцать семействъ изъ самарской и астраханской губерній, пожелавшихъ тамъ поселиться. Селеніе предполагали назвать Тоймакентъ (такъ называется ближайшій киргизскій аулъ). Но тутъ неожиданно вышла маленькая неудача. По какому-то недоразумѣнію поселенцы распахали подъ свои пашни не ту землю, которая была для этого предназначена, а другую, въ нѣсколькихъ верстахъ отъ нея,—и, увидѣвъ, что земля „бѣлая“ (т.-е. солонцеватая), испугались, а такъ какъ это были очень достаточные люди, то, нимало не медля, они снялись съ мѣста и направились во внутреннюю Россію. Изъ 20 семействъ осталось всего два (всѣхъ пятнадцать душъ), которые не побоялись остаться, но перешли на

¹⁾ Менониты разводять хорошіи племенной скотъ и охотно снабжаютъ имъ сосѣдей.

дѣйствительно отведенную землю, тамъ посѣялись, завели огороды, и вмѣсто названія „Тоймакентъ“, ничего не говорящаго русскому уху, придумали назвать поселокъ Шаповаловкой, — по имени одного изъ семействъ, оставшихся тамъ на жительство. Оба хозяина зажили довольно мирно съ окружающими киргизами, но только просили снабдить ихъ двумя ружьями для охоты и „на всякій случай“.

Недалеко отъ Шаповаловки (6—7 верстъ) лежитъ старѣйшее въ краѣ русское поселеніе Михайловское (по туземному — Сарыкамаръ). Этому поселку исполнилось въ 1888 году 15 лѣтъ. Тамъ поселились почти исключительно выходцы астраханской губерніи, и выросло уже цѣлое поколѣніе, для котораго Михайловское — родина; первые же тамъ поселившіеся выходцы изъ Россіи уже состарѣлись и давно порвали всякія связи съ прежнимъ мѣстомъ. Михайловское совершенно устроено, имѣетъ школу, отличное поливное хозяйство, но вслѣдствіе близости къ Аулія-ата, — наполненнаго также русскими поселенцами изъ отставныхъ солдатъ и казаковъ, — заражено городскими привычками. Кабака вѣтъ и въ Михайловскомъ, и такъ какъ водку приходится ѣздить пить за 15 верстъ, то хоть большого пьянства тамъ и нѣтъ, но все-таки въ Михайловскомъ выпиваютъ болѣе, чѣмъ слѣдуетъ и чѣмъ гдѣ-либо.

Отъ Аулія-ата далѣе, по дорогѣ въ Вѣрное (Семирѣчье), первый поселокъ на почтовой дорогѣ расположенъ въ 115 верстахъ отъ города, между станціями Тарты и Мунке. Поселокъ этотъ названъ по туземному „Каракистакъ“, но жители называли его „Каменка“. Въ немъ всего 19 дворовъ. Когда я былъ тамъ, то поселку всего было три мѣсяца (съ марта 1888 г.). Каменкой его называли потому, что всѣ поселенцы изъ села Каменки области Войска Донскаго. Поселенцы въ то время еще хорошенько не осмотрѣлись, но, придя ранней весной, всѣ уже посѣялись (отъ 1 до 4 десят. пшеницы и по $\frac{1}{2}$ десят. овса на дворъ), завели себѣ огороды и заявили начальству, что мѣсто имъ очень нравится. Въ іюнѣ они уже успѣли наготовить сѣна, по 40—50 копенъ на дворъ. Изъ 19 дворовъ — семнадцать частью построились совсѣмъ, частью приготовили весь матеріалъ для постройки. Пока я осматривалъ Каменку, пѣлъ хоръ пѣвчихъ и пѣлъ, можно сказать, вполнѣ тонко. По справкамъ оказалось, что хоръ состоялъ изъ семи Гладченкова (7 человекъ), бывшаго регента въ новочеркасскомъ соборѣ.

За Каменкой идетъ русскій поселокъ „Мерке“, передѣланный русскими, для удобства произношенія, въ „Нырки“. По-

селку этому было тогда всего три года; въ немъ 70 дворовъ, т.-е. столько, сколько сдѣлано надѣловъ, но мѣсто, избранное для этого поселка, такъ нравится проходящимъ переселенцамъ, что являются еще желающіе тамъ поселиться, но уже не оказывается болѣе свободныхъ надѣловъ. Осенью 1887 года въ Мерке были послѣднія 29 семействъ и, перезимовавъ въ землянкахъ, въ 1888 году всѣ уже построились, посѣялись и обезпечили себя хлѣбомъ. У всѣхъ былъ уже рабочій скотъ: быки или лошади. Въ селеніи была также школа и въ нее назначенъ казенный учитель. Быстрое заселеніе Мерке объясняется, кромѣ привольной мѣстности и роскошныхъ луговъ, еще и тѣмъ, что подъ бокомъ лежитъ большое сартовское селеніе, также Мерке, съ хорошимъ базаромъ, гдѣ идетъ сбытъ всякаго рода продуктовъ, и кромѣ того Мерке находится въ самомъ узлѣ дорогъ изъ Ферганы и Туркестана въ Семирѣчье.

Въ пяти верстахъ отъ Мерке, далѣе по дорогѣ въ Семирѣчье, лежитъ маленькое селеніе Кузьминка. Оно образовалось въ 1887 году. Поселокъ рассчитанъ на 30 дворовъ, но кузьминцы расселились тамъ въ числѣ 22 дворовъ и никого къ себѣ не хотѣли принимать, чтобы пользоваться всѣмъ отведеннымъ надѣломъ. Въ 1888 году кузьминцы также посѣялись, завели огороды, вообще были довольны и только просили о прибавкѣ сѣновоса. Окружающая мѣстность испоконъ вѣку густо заселена киргизами, но кузьминцы, какъ ихъ ни мало, объявили, что киргизъ держать въ „решпектѣ“ и немилосердно взимаютъ дань за потравы и „просто за то, что они всѣ воры“. Въ воровствѣ же не могутъ ихъ не подозрѣвать потому, что въ самое короткое время у нихъ пропало двѣ лошади и укрыть ихъ, кромѣ киргизъ, некому, — а спустя два года изъ всѣхъ приведенныхъ изъ внутренней Россіи битюговъ, числомъ семнадцать, осталась одна кобыла (14 лѣтъ), которую уже, для сохранности, запирали на ночь въ самую хату. Всѣхъ остальныхъ лошадей украли киргизы.

За Кузьминкой, также на почтовой дорогѣ, лежитъ с. Чалдаваръ, второе по старшинству селеніе. Оно существуетъ съ 1876 года и въ 1888 г. имѣло 84 двора. Это — первое селеніе по своей законченности и полному благоустройству. Селеніе это такъ уже разжилось, что въ 1887—1888 гг. населеніе поселка, по собственному желанію, поставило 200 слишкомъ тысячъ жженого кирпича для постройки церкви, которая уже теперь возведена и освящена. Широкая улица застроена хорошими домами (глинобитными, съ соломенными крышами). Въ 1888 году всѣ чалдаварцы посѣяли отъ 3 до 15 десятинъ пшеницы на семью,

и такъ какъ поливной воды на это количество посѣвовъ было недостаточно и сосѣднимъ киргизамъ не хватало на поливъ ихъ посѣвовъ, то изъ-за воды шла постоянная война. Чалдаварцы выѣзжали на водораздѣлъ толпой, съ дубьемъ, и силой заворачивали воду къ себѣ, — а киргизы, которые по своей многочисленности могли бы подавить чалдаварцевъ и разобрать весь ихъ поселокъ на щепы, предпочитали хитрость и отводили воду тайно, по ночамъ.

Въ Чалдаварѣ построено почти напротивъ церкви очень красивое училище, при которомъ имѣется казенный учитель, — словомъ, это красивѣйшее и благоустроенное селеніе и въ области, и въ краѣ.

Слѣдующее русское селеніе и вмѣстѣ съ тѣмъ послѣдняя потовая станція до границы Семирѣчья называется Карабалты. Граница Сыръ-Дарьинской и Семирѣченской областей проходить какъ разъ по срединѣ селенія. На половинѣ дороги въ Карабалты расположенъ послѣдній русскій поселокъ въ Сыръ-Дарьинской области — Николаевскій. Онъ возникъ въ 1885 году, и такъ какъ онъ приходится ровно на половинѣ пути между Чалдаваромъ и Карабалтами, то жители предпочитаютъ именовать его не Николаевскій, а „Половинкой“. Тамъ было въ 1888 г. всего 32 двора, по 20 десятинъ у каждаго (теперь уже 46 дворовъ). Онъ расположенъ совсѣмъ на ровномъ мѣстѣ. О своихъ сѣнокосахъ сами николаевцы говорятъ, что „лучшихъ и въ мірѣ не найти“. Сѣна у нихъ заготовлено на нѣсколько лѣтъ; хлѣба и овса было въ 1888 году посѣяно по 15 десятинъ на семейство. Дома свои они вывели покрупнѣе, насажали во дворахъ и палисадникахъ деревьевъ, дающихъ здѣсь уже на третій годъ хорошую тѣнь, и вообще такъ довольны, что даже не заявили никакихъ жалобъ.

Въ обратный путь изъ Ауліэ-ата въ Ташкентъ мнѣ пришлось увидѣть мѣста для небольшихъ поселковъ, тогда еще предполагаемыхъ, отведенныхъ для устройства на тѣхъ многочисленныхъ полянахъ, которыя должны были сдѣлаться свободными послѣ отобранія въ казну обширныхъ сѣнокосовъ, отданныхъ во временное пользованіе почтосодержателямъ ¹⁾. Это цѣлый рядъ мелкихъ поселковъ. Таковы поселки около станцій: Тарты, Мунке, Терсъ, Чавпакъ. На нѣкоторыхъ изъ этихъ пунктовъ поселенцы

¹⁾ Пространство этихъ сѣнокосовъ отъ 50 десятинъ доходитъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ до 1.000 и 2.000 десятинъ, на которыхъ, кромѣ пастбищъ, имѣется саксаулъ и мелкія поросли. Такая щедрость въ предоставленіи казенной земли почтосодержателямъ всегда объяснялась преувеличенною трудностью содержать тракты безъ водобитыхъ воспособленій отъ казны.

уже начали садиться, напр. на Терсѣ, а около Чакпака, на мѣстности гористой и пересѣченной, въ 1889 году разомъ осѣло цѣлое селеніе въ 60 дворовъ, названное Высокимъ. Тутъ и воды въ изобиліи, и сѣнокосы удивительные, и не только не жарко, а даже слишкомъ прохладно; но переселенцы долго обходили это мѣсто, боясь большихъ снѣговъ и мятелей. Окрестные киргизы, въ своихъ, разумѣется, интересахъ, очень поддерживали эти опасенія, но селеніе все-таки устроилось (въ 1889 году) и осѣло совсѣмъ прочно.

Между Ауліз-ата и Чимкентомъ, также на почтовой дорогѣ, лежатъ два поселка: Ясѣ-Кичу и Машатъ, оба невдалекѣ отъ почтовыхъ станцій тѣхъ же названій. Въ Ясѣ-Кичу 22 двора, а въ Машатѣ—только 12. На большее число дворовъ не нашлось свободной земли, потому что всѣмъ завладѣли окрестные киргизы. Ясѣ-Кичу только-что устроивалось, когда я тамъ проѣзжалъ; въ пяти домахъ еще только выводились стѣны, но огороды и посѣвы уже сдѣланы были на каждый дворъ; сѣна, однако, уже успѣли накосить отъ 30 до 150 копенъ на дворъ. Здѣсь, между прочимъ, поселился перешедшій изъ Дмитровскаго („потому что тамъ негдѣ копѣйку добыть“) Степанъ Величко и привелъ сюда все свое потомство въ сорокъ душъ. Ясѣ-кичинцы также оказались очень довольны и мѣстомъ, и угодами. Кромѣ обширныхъ земельныхъ надѣловъ, имъ еще посчастливилось найти посторонній заработокъ на сосѣднихъ (20 верстъ) Татариновскихъ (нынѣ Агапѣевскихъ) каменноугольныхъ копяхъ. Тамъ взрослому работнику платятъ 15 руб. въ мѣсяцъ,—но постоянно работаютъ одни киргизы, русскіе же поселенцы приходятъ только осенью и зимой, а весной идутъ домой на полевые работы.

Съ одной бѣдой ясѣ-кичинцы не могли пока управиться: ихъ страшно одолѣвали воробы. Мнѣ показали нѣсколько хлѣбныхъ колосѣвъ, на которыхъ, что называется, не осталось ни одного зерна. Все малолѣтнее населеніе Ясѣ-Кичу, т.-е. мальчики и дѣвочки, заняты исключительно борьбой съ воробьями. Однако, ни провзительные крики ребятъ, ни трещотки, ни чучела, ни разореніе гнѣздъ (въ теченіе весны и лѣта до іюня разорено болѣе 1.000), не принесли толку, и поселенцы, видимо, были смущены такою напастью. Воробы плодятся въ неимоверномъ количествѣ, преимущественно на таловыхъ деревьяхъ, которыми обсажены всѣ окрестныя киргизскія глиняныя мазанки, и хотя ясѣ-кичинцы просили дать имъ казенныя ружья и порохъ для истребленія воробьевъ, но убѣждены, что пользы отъ того не бу-

детъ, пока киргизамъ также не прикажутъ разорать воробынныя гнѣзда и уничтожать этого зловреднаго врага посѣвовъ.

Въ 20 верстахъ отъ Ясъ-Кичу, ближе къ Ташкенту, расположенъ маленькій поселокъ Машатъ. Его еле-еле втиснули между киргизскими курганцами и сартовскими саклями, и едва нашли мѣсто для 12 дворовъ. Аборигены этой мѣстности очень-таки упорствовали въ уступкѣ и этого маленькаго клочка земли, хотя доказательствъ на нее никакихъ не имѣли, какъ и никто изъ туземцевъ ихъ не имѣетъ на тысячи верстъ въ окружности, но по обыкновенію претендовали на все окружающее пространство и препирались, пока власти ожидали добровольнаго соглашенія. Кончилось, разумеется, тѣмъ, что селенію было приказано быть тамъ, гдѣ оно есть, и всѣ претензіи успокоились. И киргизъ, и сартъ, въ желаніи властей кончать подобныя дѣла миролюбиво, не видятъ ничего кромѣ одной слабости, и ни на какія соглашенія добровольно не идутъ, но зато приказаніямъ подчиняются безпрекословно.

Машатцы также успѣшно посѣялись (по 4 десятины на дворъ), въ 1888 году завели также и огороды, накосили много сѣна и, въ общемъ, довольны, но, какъ и ясъ-кичинцы, страдаютъ отъ воробьевъ, хотя немного меньше и постоянно воюютъ съ этимъ чернатымъ хищникомъ. Въ постройкѣ машатскихъ избъ была мною замѣчена одна особенность: всѣ окна двустворчатые, т.-е. отворяющіяся, и вслѣдствіе этого избы вентилируются и провѣтриваются, между тѣмъ какъ почти во всѣхъ прочихъ поселкахъ рамы одностворчатые, вмазанныя наглухо въ стѣны, почему окна никогда не отворяются и въ избахъ неизмѣнно держатся тяжелый запахъ и спертый воздухъ. Одностворчатые же рамы предпочитаютъ поселенцами двустворчатымъ только потому, что онѣ наполовину дешевле.

Отъ Машата на слѣдующей станціи Манкентъ, она же Аксу или Бѣлая-воды, на берегу порядочной рѣчки, было уже давно распланировано мѣсто на 60 дворовъ, но поселенцы долго обходили это мѣсто, потому что имъ не нравится каменистая почва, и только въ 1890 году тамъ началъ образовываться русскій поселокъ. Теперь тамъ уже сорокъ дворовъ.

Мнѣ остается сказать еще о четырехъ поселкахъ ташкентскаго уѣзда. Старшій изъ нихъ по времени устройства расположенъ на почтовомъ пути въ Самаркандъ, въ одной верстѣ отъ р. Сыръ-Дарьи. Это Чиназъ, неизвѣстно почему величаемый самими переселенцами *городомъ*, бывший пунктъ инженерныхъ складовъ и когда-то маленькаго форта, а нынѣ поселокъ въ 25 дво-

ровъ. У чиназцевъ мало поливной земли; хотѣли-было имъ про- вести особенную канаву, да вышла неудача, но и на своихъ небольшихъ клочкахъ земли чиназцы все-таки сѣютъ, пахутъ и косятъ, а больше предпочитаютъ рыбачить на Сыръ-Дарьѣ, протекающей всего въ верстѣ отъ селенія. Народъ тамъ все лѣни- вый, большинство отставные солдаты, многіе выпиваютъ (хотя кабака нѣтъ), и чиназцы очень любятъ ѣздить въ Ташкентъ (60 верстъ) и просить о пособіи. Съ 1890 года тамъ построена частнымъ лицомъ (г. Степановымъ) небольшая красивая церковь.

Также въ ташкентскомъ уѣздѣ, но по дорогѣ въ Ходжентъ, т.-е. въ Ферганскую область, въ сторонѣ отъ уральской почтовой станціи, верстахъ въ двадцати-пяти отъ нея, невдалекѣ отъ Сыръ-Дарьи, съ 1887 года основано село Срѣтенское на 100 дво- ровъ (теперь 123 двора). Объ устройствѣ этого поселка власти долго хлопотали и собственно для него была разработана особая канава изъ большого дальверзинскаго арыка. Срѣтенское, однако, заполнялось медленно, по частямъ: прибывало по 20—25 дво- ровъ разомъ, и еще въ 1888 г. было не болѣе 40 дворовъ, которые уже построились и посѣялись. Но вдругъ счастье осо- бенно улыбнулось этому поселку. Срѣтенцы получили даровыя сѣмена хлопка отъ такъ называемой „ярославской мануфактуры“, представитель которой живетъ недалеко отъ Срѣтенскаго, и вотъ уже нѣсколько лѣтъ какъ срѣтенцы не только съ успѣхомъ, но и съ большимъ увлеченіемъ занимаются посѣвомъ этого про- дукта, сбытъ котораго имъ обезпеченъ тамъ же на мѣстѣ и тою же ярославскою мануфактурою. Въ 1888 г. посѣяно было болѣе 300 десятинъ, а въ 1890 подъ посѣвами хлопка было 600 десятинъ, и срѣтенцы получили съ десятины до 56 рублей вало- вого дохода ¹⁾. Разумѣется, что благосостояніе срѣтенцевъ уве- личивается быстро не въ примѣръ прочимъ поселкамъ, и они положеніемъ своимъ болѣе чѣмъ довольны. Въ срѣтенскихъ до- махъ можно видѣть уже гнутую мебель, швейныя машины, часы и прочее.

Переправившись чрезъ р. Сыръ-Дарью и попавъ въ такъ называемую Голодную степь, можно на самой окраинѣ этой степи увидѣть поселокъ Надеждинскій, въ 50 дворовъ. Этотъ поселокъ возникъ, обстроился и существуетъ на частныя средства одного высокопоставленнаго лица, проживающаго въ Туркестанѣ, но до сихъ поръ не имѣетъ обезпеченныхъ поливныхъ земель, и потому

¹⁾ По изслѣдованію г. Гейера (Крестьянская колонизація въ Сыръ-Дарьинской области).

существованіе его не считается прочнымъ, хотя устроителемъ поселка уже принимаются мѣры къ проведенію въ поселокъ ирригаціонной канавы и это несомнѣнно будетъ достигнуто. Въ пяти верстахъ отъ Надеждинскаго лежитъ поселокъ Романовскій, въ 12 дворовъ, и находится въ тѣхъ же условіяхъ, какъ и поселокъ Надеждинскій. И надеждинцы, и романовцы, въ ожиданіи ирригаціонной канавы, сѣютъ хлѣбъ на такъ называемыхъ мокрыхъ мѣстахъ, по берегамъ Сыръ-Дарьи, и хлѣбъ родится превосходный, но, какъ сказано, будущность поселковъ не признается обезпеченной, пока не будетъ сооруженъ поливной арыкъ.

Наконецъ, въ двадцати-пяти верстахъ отъ Ташкента, на пути въ ур. Чимганъ, т.-е. по дорогѣ въ тѣ горы, которыя въ послѣднее время сдѣлались лѣтнимъ пребываніемъ ташкентскихъ властей, расположенъ поселокъ Троицкій—въ 100 дворовъ. Мѣсто для поселка выбрано прекрасное. Чудесная земля получаетъ обильную воду изъ арыка Искандеръ, сооруженнаго великимъ княземъ Николаемъ Константиновичемъ и подареннаго имъ въ казну. Троицкіе крестьяне съ 1886 года не только вполне освоились съ поливнымъ хозяйствомъ, но такъ же, какъ и срътенцы, получили вкусъ къ хлопковымъ посѣвамъ и превыгодно сбываютъ въ Ташкентъ вату собственнаго воспитанія. Разумѣется, не обходится безъ ссоръ съ сосѣдями-киргизами и изъ-за земли, и изъ-за воды, но виною тому не алчность и не вздорность, а все то же неразрѣшеніе въ краѣ поземельнаго вопроса.

Для полноты обзора нужно еще упомянуть о маленькомъ поселкѣ въ одномъ переѣздѣ отъ г. Перовска, около станціи Бирюбай. Этотъ поселокъ лежитъ совсѣмъ особнякомъ, на триста-четыреста верстъ въ сторонѣ отъ прочихъ. Поселку этому, названному Астраханскимъ, было въ 1888 г. отъ роду три года. Въ немъ тогда было 20 дворовъ; онъ вытянулся вдоль почтовой дороги широкой улицей, и хоть избѣнки тамъ были возведены и не важныя, но по сравненію съ глиняными сѣрыми мазанками киргизъ, безъ оконъ, безъ трубъ и съ плоской крышей, онѣ, разумѣется, представлялись хоромами. И здѣсь, несмотря на безграничный просторъ степей, не замедлили возникнуть споры съ сосѣдними киргизами изъ-за луговъ и тугаевъ (камышевыхъ по-рослей по р. Сыръ-Дарьѣ), но дальше крику и перебранокъ дѣло не доходило, и вообще астраханцы мѣстомъ этимъ довольны. Лѣтомъ здѣсь довольно жарко, но зимой препорядочно холодно, часто очень снѣжно и морозно.

Вотъ, на-перечетъ, всѣ русскіе поселки, которые были въ 1888 г. въ Туркестанскомъ краѣ. Часть этихъ поселковъ, лежа-

щихъ въ аулізатинскомъ уѣздѣ, я видѣлъ еще разъ въ апрѣлѣ 1890 года. Тогда разразился надъ киргизами нѣсколькихъ волостей, лежащихъ около Чалдавара и Мерке, такъ называемый „джуть“. Настала ужасная для киргизскаго кочеваго хозяйства безкормица. Въ окрестныхъ горахъ и предгорьяхъ выпалъ глубокій снѣгъ, въ долинѣ пошли дожди, а за ними грянули морозы—землю сковало; отощавшій отъ зимняго голоданія скотъ не могъ дорыться до подножнаго корма, и лошади, коровы, бараны,—стали валиться сотнями. Извѣстно, что искони безпечный киргизъ почти не заготавливаетъ сѣна на зиму, и вотъ при этой-то оказіи русскіе поселки очень воспользовались своими запасами сѣна и хорошо поживились на счетъ киргизской бѣды. Не только всѣ запасы сѣна и соломы были распроданы, и распроданы хорошо, но до ташкентскаго начальства дошли тревожные слухи, что русскихъ поселянъ обуяла такая жадность, что они стали сдирать свои соломенные крыши на продажу киргизамъ, разумѣется уже не въ три-дорога, а больше. Последнее оказалось порядочнымъ вздоромъ... До сдиранія крышъ хотя и не дошло, но поселенцы дѣйствительно усердно пообчистили на продажу всѣ свои запасы и кое-какъ остановили киргизскую бѣду. Когда подсчитали павшій скотъ, то при этомъ оказалось, что пострадали бѣльшею частью богатые киргизы, лишившись гдѣ половины, гдѣ трети своихъ стадъ; бѣдные пострадали совсѣмъ немного, и скоро все пошло обычнымъ порядкомъ. Русскіе поселенцы хорошо понажились, а киргизы, въ десятый разъ, пообѣщались начальству заготавливать кормъ на зиму, и навѣрное въ десятый разъ не выполнять своего обѣщанія. Очень ужъ они безпечны насчетъ всякихъ запасовъ, и, вѣроятно, новый джуть (повторяется примѣрно каждыя десять лѣтъ) застанетъ ихъ опять врасплохъ.

Остается еще сказать нѣсколько словъ о поселкѣ Никольскомъ, основанномъ въ 1884 году и уже сливающимся съ Ташкентомъ рядомъ дачъ. Поселокъ этотъ находится въ семи верстахъ отъ Ташкента и скорѣе носитъ характеръ пригородной слободы. Заложенъ онъ былъ прежде версты двѣ далѣе—на мѣстности Шоръ-Тюбе, и центръ поселка долженъ былъ находиться на такъ называемомъ Черняевскомъ барханѣ, мѣстѣ ставки генерала Черняева незадолго до штурма Ташкента. Но избранный пунктъ оказался непригоднымъ, вслѣдствіе близости подпочвенныхъ водъ (всего $\frac{1}{2}$ аршина), и поселокъ, начавшійся уже отстраиваться, рѣшено было перевести туда, гдѣ онъ расположенъ теперь. Теперь въ немъ уже до 300 дворовъ; замѣтно большое стремленіе

къ учрежденію кабака и построекъ домовъ на барскій манеръ. Здѣсь настоящихъ землевладѣльцевъ почти нѣтъ, и хотя есть даже посѣвы риса, но произведенные наемными руками киргизъ. Изъ 300 дворовъ считается 84 семейства неустойчивыхъ, т.-е. неусѣвшихся окончательно. Никольское стадо насчитываетъ уже 1.000 штукъ скота, на 16 тыс. руб., а вся стоимость Никольскаго къ пятому году существованія простиралась уже до 105 тыс. рублей. Близость Ташкента вызвала здѣсь поселеніе разнаго мастерового люда, и въ 1889 году въ поселеѣ жило 15 столяровъ, 10 портныхъ, 6 извозчиковъ, 11 кровельщиковъ и маляровъ, 10 кожевниковъ, 5 каменщиковъ, 5 портнихъ, 9 прачекъ, 9 кружевницъ, 4 вышивальщицы, 3 швеи и одинъ кондиторъ. Внѣшній видъ Никольскаго имѣеть, какъ уже замѣчено, характеръ веселой пригородной слободы. Съ 1886 года тамъ построено хорошее училище, а въ 1889—на средства коммерціи совѣтника Иванова—воздвигнуть очень красивый храмъ.

Прочтя предъидущія строки,—рисующія положеніе русскихъ переселенцевъ въ Туркестанѣ отнюдь не въ мрачномъ видѣ,—можетъ быть, иной читатель полюбопытствуетъ узнать, какъ переносятъ русскіе переселенцы въ Туркестанѣ разлуку съ прежними мѣстами, не испытываютъ ли они такъ называемой тоски по роднѣ, не встрѣчаютъ ли затрудненій вслѣдствіе совершенно иныхъ почвенныхъ и климатическихъ условій, какъ вообще они относятся къ туземцамъ и, наконецъ, въ какомъ видѣ представляется вѣроятное будущее русской колонизаціи? О послѣднемъ вопросѣ, —какъ предметѣ особенно важномъ,—было бы справедливо поговорить совсѣмъ особо, и, конечно, было бы благоразумнѣе не дѣлать никакихъ преждевременныхъ заключеній о будущемъ и не судить о немъ по настоящему положенію еще слишкомъ юнаго колонизаціоннаго вопроса въ Туркестанѣ. Это необходимо тѣмъ болѣе еще потому, что до сихъ поръ еще не созвана даже необходимость этой колонизаціи, какъ политической или экономической мѣры, не выработано никакой для этого системы, и все дѣло предоставлено скорѣе случайности и доброй волѣ охотниковъ ѣхать въ далекій Туркестанъ и тамъ искать счастья. Пока можно лишь сказать, что вся будущность этого дѣла—въ рукахъ правительства, и разъ будетъ признана необходимость дальнѣйшей колонизаціи и выработана для нея система, а вмѣстѣ съ тѣмъ будутъ отпущены средства не только на водвореніе переселенцевъ, но, главное, на искусственное орошеніе предназначаемыхъ для поселеній

земель, то дѣло станетъ прочно и твердо. Едва ли можно сомнѣваться, что только тогда колонизація Туркестана и пойдетъ быстро и успѣшно; безъ особаго напряженія воображенія, легко себѣ тогда представить въ недалекомъ будущемъ цѣпь русскихъ поселковъ, не только лично благоденствующихъ въ благодатномъ климатѣ, но и составляющихъ опору и дѣйствительную нашу оборону отъ все-таки возможныхъ въ будущемъ попятныхъ шаговъ остающагося не менѣе, чѣмъ прежде, фанатичнымъ мусульманства. Повторяемъ еще разъ, что великая задача устройства этой цѣпи поселковъ находится пока всецѣло въ рукахъ правительства, и въ настоящее время ему одному принадлежитъ и починъ, и руководство въ этомъ дѣлѣ.

Тотъ небольшой опытъ добровольной колонизаціи, который сдѣланъ въ послѣднія 15—20 лѣтъ, можетъ только служить вѣрнымъ указателемъ, что нужно дѣлать дальше. Нужно рѣшить прежде всего поземельный вопросъ, т.-е. выяснить наконецъ, гдѣ находятся свободныя для устройства поселковъ казенныя земли, — и нужно озаботиться устройствомъ и развитіемъ ирригаціи; затѣмъ, по мѣрѣ перехода киргизъ въ полу-осѣдлое, а затѣмъ и осѣдлое состояніе, нужно ограничить безмѣрныя ихъ претензіи на обладаніе всѣми тѣми мѣстами, гдѣ они прежде безпрепятственно кочевали со своими стадами, и не однихъ только киргизъ, но и вообще туземцевъ, ажно захватывающихъ до сихъ поръ не вымежеванныя и никѣмъ не охраняемыя казенныя земли. Въ этомъ собственно и заключается весь успѣхъ будущей колонизаціи, а затѣмъ и земли, и воды, и всякихъ угодій, найдется въ краѣ не на тысячи и не на сотни тысячъ, а на миллионы русскихъ поселенцевъ.

Настоящее состояніе русскихъ поселковъ только можетъ служить поощреніемъ къ опытамъ колонизаціи въ возможно болѣе широкихъ размѣрахъ. Кто ознакомится съ дѣйствительнымъ положеніемъ переселенческаго дѣла въ Туркестанѣ, тотъ не усомнится, что русская колонизація и теперь уже стоитъ на достаточно прочныхъ основаніяхъ. Замѣчаемое нѣкоторыми наблюдателями все продолжающееся передвиженіе переселенцевъ и отдѣльные случаи выселенія ихъ въ Сибирь или внутрь Россіи объясняются болѣе случайными причинами, въ родѣ тѣхъ, которыя приведены выше. Пусть желающіе изслѣдовать этотъ вопросъ въ подробности дадутъ себѣ трудъ проѣхать по туркестанскимъ поселкамъ, и они услышатъ отъ переселенцевъ, и молодыхъ, и старыхъ, и прежнихъ и новыхъ, что климатъ нисколько ихъ не тяготитъ, случаи забо-

лѣванія мѣстными лихорадками не смущаютъ, а о тоскѣ по роднѣ нѣтъ и помину. Тяжкія экономическія условія, главнымъ образомъ повліявшія на ихъ выселеніе изъ внутренней Россіи, были и остаются таковы, что не могутъ вызвать большого желанія вернуться назадъ, т.-е. возвратиться къ прежней бѣдности, даже и въ томъ случаѣ, еслибы въ Туркестанѣ было гораздо хуже, нежели есть теперь. Если же, затѣмъ, принять во вниманіе предоставляемыя переселенцамъ льготы по отбытію воинской и другихъ государственныхъ повинностей (освобождены на десять лѣтъ), да взятъ въ расчетъ широкое приволье здѣшнихъ мѣстъ, богатство и обезпеченность урожаевъ и сѣнокосовъ и, наконецъ, хотя незначительное, но все-таки оказываемое имъ денежное пособіе, то станетъ понятно, почему переселенцы, никѣмъ не вызываемые и къ переселенію не поощряемые, такъ стремятся въ Туркестанскій край и въ короткій періодъ образовали здѣсь нѣсколько десятковъ поселеній съ прочною осѣдлостью.

Хорошо ли вообще живется въ Туркестанѣ русскимъ переселенцамъ — объ этомъ краснорѣчивѣе всего говоритъ ихъ возрастающая зажиточность и благосостояніе ¹⁾. Да и можетъ ли крестьянину житься плохо тамъ, гдѣ онъ всегда ѣстъ пшеничный хлѣбъ, гдѣ пудъ пшеницы стоитъ 20—25 коп. (въ аулізатинскомъ уѣздѣ), а въ Семирѣччѣ доходитъ и до 12 копѣекъ; гдѣ посѣвъ клевера дается, безъ труда, полдюжины укосовъ; гдѣ вовсе не рѣдкость двойные посѣвы, — и гдѣ вообще такъ много тепла и свѣта ²⁾.

Конечно, переселенцевъ ожидаютъ на новыхъ мѣстахъ не одни только радости и щедрые дары природы. Имъ приходится приспособляться къ климату, томиться отъ лѣтнихъ жаровъ, получать воду для поливовъ порціями (вода отпирается и запирается) и очень терпѣть отъ конокрадства, этого истиннаго бича вездѣ, не исключая и Средней Азіи, гдѣ на этомъ поприщѣ совершенными виртуозами являются киргизы. Ни русскаго топора, ни рус-

¹⁾ По благосостоянію впередъ всѣхъ стоитъ уѣздъ аулізатинскій, затѣмъ чимкентскій и ташкентскій. Аулізатинскіе поселки устроены ранѣе всѣхъ. Вотъ таблица живого инвентаря по уѣздамъ по изслѣдованію г. Гейера (Крестьян. колониз. въ Смиръ-Дар. обл.). Приходится на хозяйство:

	лошад.	волось	коровъ	мелк. скота
Въ аулізатинскомъ уѣздѣ . . .	2,41	2,46	2,76	7,05
Въ чимкентскомъ	1,85	2,39	2,29	3,96
Въ ташкентскомъ	1,42	0,43	1,41	2,81

²⁾ Безморозный періодъ въ Ташкентѣ, въ Самаркандѣ и въ Ферганѣ длится болѣе семи съ половиною мѣсяцевъ, а именно въ Ташкентѣ 222 дня, въ Самаркандѣ — 225 и въ Ферганѣ — 235 дней.

скаго заступа, ни русской телѣги переселенецъ уже не находитъ на мѣстахъ новыхъ поселеній,—но со временемъ поселенцы ко всему прилаживаются, все усваиваютъ, все приспособливаютъ, а хорошая ѣда и всякая благодѣтельность миритъ его скоро со всѣми новшествами.

Проѣхавъ по этимъ селеніямъ и ознакомившись съ составомъ пришедшаго русскаго элемента, можно убѣдиться также въ ошибочности проникшаго въ печать мнѣнія, что выходцы изъ Россіи сами будто бы не знаютъ, куда идти, и уже придя на мѣсто и сдѣлавъ тысячи верстъ, они, будто бы, разочаровываются, найдя тамъ вовсе не то, что ожидали. Обѣхавъ поселки, всякій убѣдится, что они большею частью, такъ сказать, однородны по составу, и что въ одномъ поселкѣ собираются земляки не только одной губерніи, но и одного уѣзда, и позже появившіеся идутъ вовсе не наугадъ, какъ любятъ расписывать иные корреспонденты, а идутъ навѣрняка, получивъ отъ ранѣе поселившихся самыя точныя свѣденія объ условіяхъ мѣстной жизни и хозяйства ¹⁾).

Произведенные поселенцами повсюду обширные, насколько только хватаетъ ихъ силъ, посѣвы и покосы, наилучшимъ образомъ свидѣтельствуютъ о примѣрномъ, скорѣе даже безпримѣрномъ, трудолюбіи переселенцевъ, и потому всякій укоръ въ лѣнности, тунеядствѣ, наклонности къ праздноштанію—совсѣмъ несправедливъ, по отношенію, по крайней мѣрѣ, къ туркестанскимъ переселенцамъ.

Можно съ глубокою увѣренностью сказать, что первые опыты русской колонизаціи въ Туркестанѣ вполне удались и что этому дѣлу предстоитъ хорошая и прочная будущность. Нужно ли пояснять, что только широкая колонизація окончательно обезпечитъ прочность нашихъ владѣній въ Средней Азіи, и что только она дастъ возможность не обременять государственнаго бюджета содержаніемъ въ краѣ излишнихъ войскъ.

Какая бы, однако, участь ни постигла дальнѣйшее дѣло переселенія въ Туркестанъ—можно съ убѣжденіемъ сказать, что позд-

¹⁾ Больше всего переселенцевъ—изъ губерній воронежской, астраханской и Земли войска донскаго. Въ двадцати поселкахъ аулізатинскаго уѣзда живутъ выходцы изъ 31 губерній, всего 801 семейство, и изъ нихъ болѣе половины, 484 семейства, пришли изъ губерній воронежской и астраханской и Земли войска донскаго. Выходцы изъ воронежской губерніи—или бывшіе дворовые, или недовольные малымъ земельнымъ надѣломъ. Астраханцы же объясняютъ, что ихъ одолѣли вѣтра и суслики (исслѣдованіе г. Гейера, Крестьянская колонизація въ Сыръ-Дарьинской области).

нѣйшіе потомки лучше оцѣнять то, что уже сдѣлано до сихъ поръ съ самыми ничтожными средствами, и отнесутся съ признательностью къ тѣмъ первымъ переселенцамъ, которые не побоялись поселиться среди чужеземцевъ, въ странѣ съ инымъ климатомъ и иными экономическими условіями, и помянуть добрымъ словомъ и этихъ первыхъ піонеровъ русской колонизаціи въ Средней Азій, и лицъ, руководившихъ дѣломъ переселенія.

Ник. Дингельштедтъ.

